

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

Герои современного романа в поисках себя: «Безбожный переулок» Марины Степновой

Аннотация: Статья обращена к малоисследованному современному литературному материалу – роману Марины Степновой «Безбожный переулок» (2015) – как явлению психологической прозы. Анализируются проблематика произведения, образы центральных персонажей, выведенных на фоне меняющегося исторического времени и находящихся в процессе самоидентификации; уделено внимание мистическим аспектам художественного содержания.

Ключевые слова: современная русская литература, психологический роман, Марина Степнова, личностная самоидентификация

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia)

Heroes of the Modern Novel in Search of Themselves: “Bezbozhnyj Lane” by Marina Stepanova

Abstract: The article is addressed to the little-researched modern literary material – Marina Stepanova’s novel “Bezbozhnyj lane” (2015) as a phenomenon of psychological prose. The author analyzes the problems of the work, the images of the central characters, their relations with the changing historical time and their self-identification; attention is paid to the mystical aspects of the artistic content.

Key words: modern Russian literature, psychological novel, Marina Stepanova, personal self-identification

Романы М.Л. Степновой 2010-х гг. стали заметным, но пока мало изученным явлением в современной психологической прозе и запечатлели сопряжения индивидуальных устремлений героев и подвижных социальных обстоятельств. Если роман «Женщины Лазаря» (2011) претендует на панорамное изображение XX в. на пересечениях выдающихся и внешне заурядных жизненных путей, то «Безбожный переулок» (2015) – «роман длиной в судьбу, в поколение»¹ – обращен к недавнему рубежу столетий, к актуализированным им личным драмам и процессу напряженного самоосмысления персонажей.

¹ Котюсов А. Рожденный ползать [рец. на роман М. Степновой «Безбожный переулок»] // Дружба народов. 2015. № 3 (www.zh-zal.ru/druzhba/2015/3/13k.html).

Экспозицией романного действия выступают раздумья центрального героя Ивана Огарева 1969 года рождения о себе как «всего-навсего врача»¹, «всего лишь пустой реминисценции», случайной «маргиналии на полях» чуждой ему «большой» истории.

Постигая кризис самоидентификации профессионально и материально вполне, казалось бы, состоявшегося персонажа, автор ретроспективно исследует грани его травматичного детско-юношеского опыта. Обезличенная атмосфера средней советской семьи 1970-х гг. проступает в том, как отец, «обыкновенный заводской инженер», дома почему-то все время в уединении «работал (над чем? зачем?)», и тогда «в квартире воцарялась осторожная тишина». В созвучии с духом как будто замершей общественной жизни той поры «отцовские запреты пересекали мир под самыми разными, порой невысказанными углами», при этом сына отец «начинял... как рождественского гуся, тем, что сам считал разумным и съедобным». Мать, у которой лицо «словно захлопнулось» и которая «не смеялась, не красилась, даже не пахла», работала на почте, где «сидела... словно прячась, за деревянной перегородкой», интуитивно воспринималась Огаревым как образ понапрасну задавленной женственности, «полной безнадежности», «самого дна» в оскудении душевных сил и потере себя: «Мать все больше молчала. Была никто – тонкая, белесая. И квартира вокруг нее тихо зарастала тонкой, белесой пылью».

Художественное вчувствование в микроклимат одной квартиры постепенно вводится в масштабный контекст «большого» времени. Пространство и жизненный уклад дальней московской окраины оказываются подмятыми инфраструктурой безудержно растущего города, безликой, провоцирующей социальную ущемленность механикой внешней действительности, когда «Москва вдруг появилась, навалилась со всех сторон, будто выпершее из кастрюли крепкое тесто», а затем «сожрав и переварив этот ломоть земли, уползла, глухо ворча, дальше, в сторону Ленинграда». По контрасту с бытовым благоустройством, при котором от дома «до центра всего пять остановок на метро», в памяти Огарева детство и ранняя юность отложились как *мир кажимостей*, подчиненный процессу неуклонного обветшания жизни и разрушения человеческих, социальных связей. Ему помнилось, как «вдруг стали обваливаться целые пласты», как «первыми исчезли мамы подружки», отец «выключил навеки» радиоточку, «прекратились поездки летом на дачу», как перестали – «принимать гостей», «праздновать Новый год»...

Мнимым противовесом деструктивной динамике частного времени становится для персонажей иллюзия вовлеченности в ритмы общественной деятельности. «Мать потускнела еще больше» и спасалась от одиночества у телевизора, чтобы «наполнить голову чужим, невнятным бубнежом»; отошедший от воспитания сына отец «словно переложил всю ответственность на школу», а сам Огарев лишь при приеме в октябрята «испытывал чувство сопричастности со своим государством», однако «больше ему с родиной побыть единым целым так и не удалось». Претерпевая на себе методы педагогического воздействия позднесоветской школы, где «из молодого человеческого вторсырья сноровисто собирали порядочных людей», герой смутно предощущает наступление иной реальности, когда «родители... сползут с постамента» и окажутся «такими, какие есть», «просто людьми»...

Поиск «просто людей» и возможностей освобождения от налипших ярлыков образует сквозной «сюжет» в судьбе Огарева и основу лейтмотивной структу-

¹ Текст романа М. Степновой «Безбожный переулочек» цитируется по электронному ресурсу: ruread.net/book/16674/1/

ры романного повествования. Не вполне осознанным началом этого пути становится у Огарева случайное и жестко пресеченное отцом знакомство с альбомом репродукций Тициана, приоткрывших перед ним мир телесной красоты и творчества: «Тициан был праздник – ворованный, тайный. Даная, цыганская мадонна, портрет молодой женщины. Прелестная Саломея, вскинувшая блюдо с мертвой чудовищной головой. Мягкая, лакомая нагота. Темные грустные глаза, крошечные рты, нежные шеи, складки, тающие в темноте, сулившей непонятную, но отчетливую сладость. Ямочки на щеках и локтях. Пересохшее горло. Италия, Флоренция, Возрождение, Санта-Мария-дель-Фьоре, Санта-Кроче, Сантиссима-Аннунциата – прекрасные, ничего не значащие слова. Никакого смысла в них не было – вообще ничего, кроме света». Ранящими отголосками этого открытия, когда в Огареве «Тициан все еще болел, все еще никак не хотел отпускать», наполнено его короткое и неловкое общение с таинственной одноклассницей Неточкой, которая, словно бросая вызов школьным стереотипам, «носила свою непохожесть с царственной беспечностью». В художественной логике романа детское созерцание полотен Тициана предвосхищало и судьбоносную для героя встречу с Италией, и его любовь к Мале, с трепетным восприятием «тихого кокона» ее наготы как знака «абсолютного доверия» и «ему одному открытого таинства», и его «прорыв» к свету Мане и теням Рембрандта, к «Леонардо, Рубенсу, Джотто, ненормально прекрасному Врубелю», ко всей мировой живописи, которая манила бесконечными ликами совершенства, однако «не смогла принести Огареву утешения, зато зачем-то осталась в памяти, легла грузом – слава богу, хоть не мертвым, тихо осела на тихое дно». «Литературная» же неудача с насмешливо осадившей его Неточкой еще в школьные годы приведет героя к увлеченному поглощению книг, вживанию в мир художественных образов – вплоть до обдумывания подоплеки одной толстовской «неточности» как «свидетельства могучего хода романного времени».

Личностное формирование героя Степновой на исходе 80-х гг., когда, по его ощущению, Советский Союз «разваливался, бессильно оседал в грязь», но одновременно захватывало то, как во множестве «выходили книги, книги, книги», – оказалось насыщенным внутренними поисками, жадным чтением, спортивными успехами, что, впрочем, осложнялось «вывихом воли», тем, что он «так и остался для всех серым, угрюмым, молчаливым обитателем предпоследней парты... так и не научился встраиваться в систему».

В ситуации тектонических сдвигов рубежа 1980–1990-х гг. зигзагообразный путь центрального героя выведен в калейдоскопе несхожих потенциальных траекторий. Его юношеская влюбленность в мединститут, где ему привиделась квинтэссенция «чистого, стерильного, свободного мира», сменяется переживанием тупика от «ада первого года учебы», призывом в армию в 1988 г. Наметившаяся было перспектива военной карьеры («Надо было, конечно, остаться в армии...») мгновенно разрушилась 3 июля 1989 г., когда на службе в Красноярске-26 он «просто... убил человека... срезал движущуюся мишень» – 14-летнего нарушителя, и теперь «армия отторгала его, выдавливала – словно занозу из здорового пальца».

На фоне прогрессирующего *синдрома «постороннего»* по отношению к себе и течению повседневности происходит возвращение Огарева в медицину, а также подспудно «компенсирующий» невольное убийство подростка перевод «с лечебного на педиатрический», поскольку после этой трагедии «он точно знал, что должен стать врачом». Увлечение патанатомией, исследование безучастной к погоне за идеями и смыслами телесности внушало пьянящее чувство того, что «человеческое тело рас-

пахивалось перед Огаревым, словно анатомический атлас». Изучение всевозможных телесных поражений, «травмы, достигшей дна эволюции» обнажает бездну трагизма человеческого существования, не смягчаемого никакими утешениями. «Словно символом всей книги»¹ становится его исстрадавшаяся мать, которая погибает от лопнувшей аневризмы и кровоизлияния. В предсмертном потрясении, не успевшая одеться, она воплощает «разбегающуюся в разные стороны обезумевшую жизнь», окончательно срывающую с себя временные личины: «В комнату ползла... уже не мать, не человек даже, просто все еще живое существо, почти оставленная Богом протоплазма...»

Ужаснувшая героя оголенность материнского естества открывает ему все новые орбиты царящего в мире отчуждения. Симптоматична произошедшая на похоронах матери встреча с «другой» семьей отца, который, как оказывается, уже давно «полюбил другую женщину», «родил другого ребенка», проложил невербализованный, растянутый на годы «маршрут» разрыва с семьей и невольно стал еще для Огарева-ребенка и подростка эталоном «постороннего»: «Отец сперва отделился, как звезда, потом звезда оказалась злой, прошла все мучительные этапы спектральной эволюции – от синего гиганта до белого карлика и дальше – до черной дыры, до абсолютного ничто. Только это ничто не втягивало в себя все живое, а наоборот – отталкивало, отталкивало от себя, так что Огарев и мама отлетали все дальше, пока не пересекли горизонт событий, за которым черная дыра перестает быть видимой, за которым – просто свет, чужой, искривленный, холодный, летящий из ниоткуда в никуда».

Своеобразным «двойником» главного героя и жертвой «невидимой стены опасливого отчуждения» выступает в романе Анна Поспелова, мечтавшая быть названной мужем Антошкой, однако «ни разу он ее потом так не назвал. Ни разу. Как она ни просила». Родившаяся в 1972 г., она провела детство в «золотые годы величественного, самую малость потрепанного застоя» и в наспах сколоченной когда-то родительской семье стала «маленькой королевой мимикрии... одна для мамы, одна для папы. Ни одной – для себя самой», даже в цирковых представлениях рано научилась прозревать закулисные ломающихся судеб: «Антошка, приоткрыв от ужаса рот, смотрела на гимнастов и клоунов – стареющих, пьющих, несчастных. Сквозь слои белил, перья и блески глядели на нее человеческие глаза, уставшие, налившиеся кровью от натуги, с желтоватыми склерами, больные». Вначале инстинктивно, а позднее осознанно *противясь навязанным социальным ролям*, она, как и Огарев, предпринимает отчаянные попытки вырваться за признанные другими пределы своего «я»: «Антошка – это вообще было самоназвание, результат Антошки, Антошки, пошли копать картошку и прочего невесомого словесного сора, которым полагалось заполнять малолетние головы по мере подрастания... Рыжий конопатый мальчик, подозреваемый в убийстве дедушки (лопатой), понравился Антошке так сильно, что она самостоятельно приняла на себя его грех, его одиночество, его имя. Просто перестала откликаться на Аню, Анечку, Анну Николаевну. Она хотела быть рыжей, конопатой, никому не нужной, не такой, как все. Подозреваемой. Первый и страшный пример эмпатии, которая едва не изуродовала потом всю ее жизнь». *Моделирование альтернативных сценариев личной истории*, когда она «долго смотрела на окна квартиры, в которой могла бы жить. Девочка из центра. Остоженка. Пречистенка. Гоголевский бульвар», парадоксальным образом соединилось в ней с отчасти внушенной несвободной, а затем стремительно меняющейся эпохой *инерцией беззащитности перед пода-*

¹ Котюсов А. Рожденный ползать [рец. на роман М. Степновой «Безбожный переулочок»].

вляющими внешними силами – от грузной сумасшедшей, «первобытного идола», «преградившего» ей путь в мединститут, до изначально отчужденного от нее Огарева, поставившего «никаких детей» условием брака и почти через тринадцать лет семейной жизни «бросившего жену по телефону».

Встреча Огарева с загадочной Малей и история любви к ней, которая трагически прервется ее самоубийством 3 июля 2012 года – день в день через 23 года после гибели 14-летнего подростка, – знаменуют для героя опыт восстановления стертых координат личного существования, обновления самого себя – «намертво прикрученного к прошлому». Мифологизируя образ новой возлюбленной, с «кафейных» встреч с которой начинается «грустный романно-гастрономический тур, знакомый каждому ступившему на неверную дорожку любви и обмана», Огарев соотносит Малю с девушкой из комнаты 423 общежития литинститута, которая двадцать лет назад читала стихи в ЦДЛ, «посмотрела прямо на него – и увидела», а теперь, как он чувствует, «Москва 2012 года крутанулась вокруг своей оси...» Огарев убежден в том, что и Маля, которая была младше на 18 лет, «его видела», «смотрела на него – как на человека» и при этом оставалась «совершенно свободной... не хотела быть ни богатой, ни знаменитой, она хотела просто – быть. И в зажатой, изуродованной Москве, где все либо изображали свободу, либо напролом, всеми способами к ней рвались, это было даже не странно. Ненормально». Это прозрение обесценивает в глазах достигшего переломного сорокалетнего рубежа героя прошлую жизнь со сложившейся в ней иерархией личных и социальных отношений, где «никому не нужен был сам Огарев. Белый халат словно превращал его в невидимку».

Малина нагота, стихийно возводимая героем к архетипу «естественного» человека, ее квартира в Безбожном переулке, название которого словно завлекает соблазном «освобождения» своего «я» от действия Высших сил, представляются Огареву откровением о «как будто невозможном и от того особенно желанном загробном мире». Незаурядные по эмоциональной и изобразительной силе эпизоды романа обращены к их путешествиям по Европе и особенно по Италии, нескончаемым тосканским дорогам и городкам, напоминающим о «детстве Бога» и пробуждающим *неожиданно востребованную современным сознанием утопию «перевоплощения» в первых людей и возвращения в райский сад*, где «останемся навсегда», чтобы «просто жить» и передвигаться «без навигатора». Однако не исцеляемая даже мечтой о рае память героини о давно исчезнувшей матери, о выведенной за рамки повествования истории разрыва с отцом обуславливает ее болезненную отчужденность в сфере близких отношений, «она вдруг замыкалась, словно захлопывалась, когда речь заходила о ней самой», что бросает тревожный отсвет на воображаемую героями праисторию человечества: «Ночью город стал страшным по-настоящему, гулким, пустым. И только слой за слоем медленно опускался с неба туман, как будто все, кто умер здесь за тысячи и тысячи лет, торопились вернуться домой к ужину».

Гибель Мали, косвенно мотивированная впоследствии ее давней шизофренией, порождает в Огареве мучительное раздвоение. Его сознание подавляется пульсацией не уходящих из памяти и гасящих всякую надежду формулировок судебно-медицинского заключения о необратимых повреждениях и разрывах в ее теле; ощущением того, что роковая дата 3 июля вновь рассекла его картину мира, что «мертвая Маля за несколько секунд навсегда вытеснила живую» и что теперь не осталось «никакого Бога. Ничего живого» – только «больные толпились, сжимая вокруг Огарева

страшное кольцо, жаловались, ныли, падали, давя друг друга, но все равно ползли, требовательно хватали за руки, совали в лицо свои язвы, корки, болячки)... Альтернативой удушающему кругу воспоминаний и исчерпавших себя семейных, профессиональных, социальных отношений становится для героя последний отъезд в Италию, «маленький погребальный костер», испепеляющий его и Малины документы. В надрывном «самосожжении», когда Огарев, подобно умирающей матери, «ползет к свободе»¹, в выстраданном отречении от прошлого и даже от культурной, национальной принадлежности герою романа видится радостная перспектива высвобождения душевных сил ради того, чтобы наконец «просто жить»: «С Огарева словно снимали кожу, старую, тесную, он сам ее снимал, освобождаясь, не зная еще, что там, под прежней жизнью, но уже тихо удивляясь странному, непривычному чувству свободы. Боль никуда не делась, конечно. Но теперь вся помещалась внутри. И с этим можно было жить. Жить. Просто жить... Нет. Не русский... и только теперь вдруг понял – как совершенно, абсолютно счастлив. Уже нет. Теперь – просто человек».

Роман М.Степновой «Безбожный переулочек» примечателен искусно прочерченными трагическими коллизиями, емким отражением рефлексивного опыта персонажей, пластикой живописных, «телесных» образов, экспрессией отрывистого, местами «рубленого» синтаксиса. Произведение представляет разноплановую реалистическую картину рубежных десятилетий, передает атмосферу взаимно накладывающихся эпох и их влияние на душевный склад и судьбы современников, в силу разных причин «выпадающих» из текущей действительности или «отчуждающихся» от нее и занимающих по отношению к ней и самим себе позицию «посторонних». В то же время роман скрыто мистичен: сквозь социальные напластования и стереотипы в героях прорываются интуиции о таинственных «соответствиях» переломных дат, о трансцендентности и условности границ телесного и внутреннего «я», архаических пластах личной и общей памяти, о бегстве из плена пространства и времени.

ЛИТЕРАТУРА

Степнова М. Безбожный переулочек. ruread.net/book/16674/1/

Котюсов А. Рожденный ползать [рец. на роман М. Степновой «Безбожный переулочек»] // Дружба народов. 2015. № 3 (www.zh-zal.ru/druzhba/2015/3/13k.html).

REFERENCES

Stepnova M. Godless Lane. ruread.net/book/16674/1/

Kotyusov A. Born to Crawl [M. Stepnova “Godless Lane”]. *Druzhba Narodov*. 2015. No 3 (www.zh-zal.ru/druzhba/2015/3/13k.html).

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ilia B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

il-boris@yandex.ru

¹ Котюсов А. Рожденный ползать [рец. на роман М. Степновой «Безбожный переулочек»].